

18 октября 2021 года, Подмосковье

Регулярно ходить на прогулку в моем районе — развлечение не для слабых духом. Мне доводилось бывать в кубинских и эфиопских трущобах, и точно скажу: в Подмосковье иной раз не лучше. Здесь не столько опасно, сколько депрессивно. Жилые дома должны были пойти под снос еще в прошлом веке, да так что-то и не пошли. В одном из таких домов живу я.

Дворы у нас, в общем-то, симпатичные, как в итальянском кино 50-х годов. Выходишь на балкон вешать белье, подбочениваешься, озираешься и чувствуешь себя не то Анной Маньяни, не то Софи Лорен. Для полноты ощущений стоило бы, конечно, спуститься и развешивать простыни ближе к народу. Там стоят новые металлические стойки с веревками, как бы намекая, что никто здесь ничего сносить не собирается. Но я ограничиваюсь тем, что машу соседке рукой со своего балкона, когда она крутится с бельем или хлопочет вокруг цветника. Летом все стараются что-нибудь вырастить — кто на балконах, кто под окнами. Даже самые пропащие пьянчуги относятся к этому с уважением и в клумбах стараются не валяться, а то можно и по башке получить. Наши женщины, старой заводской закалки, шутить не станут. Я здесь чужая и за 10 лет так и не узнала имен даже ближайших соседей, но это не мешает мне любить старомодную срань всем своим сердцем. К тому же в моей квартире трехметровые потолки, а это дорогого стоит. Потому я ее и выбрала. А еще за кованный балкон без остекления, который тут же покрасила в черный, чтобы он красиво выделялся на фоне старого красного кирпича. Честно сказать, даже в пресловутой «чистенькой Европе» я выбираю именно такие районы. Когда едешь самостоятельно и останавливаешься в тех местах, на которые просто хватает денег, можно узнать значительно больше, чем «старая площадь, ратуша, ресторанчики, приветливые люди». Так-то в моем городе

тоже есть миленькие места. Да что там, у нас даже свой Биг Бен есть — у фонтана в центре торчит аккуратная башенка с часами. Культурно! Элегантно! Не стыдно людям показать.

На окраине же, за пределами уютных дворов, все гораздо хуже: кругом склады и заводы, половина из них не работает, и заброшенные корпуса выглядят, как после бомбежки. Помимо призрачных новостроек на горизонте, взгляд может упереться либо в какую-нибудь трубу, либо в перекошенные ворота. Серый бетон чередуется со столетним кирпичом цвета засохшей крови, где-то торчат заржавленные куски металла, где-то — гниющие доски. Яркие вывески продовольственных лавок и убогие клумбы в крашенных автопокрышках выглядят, как раскисшая помада на скомканном старушечьем лице.

В этом есть, несомненно, своя эстетика, но ценят ее разве что посетители фотовыставок. Индустриальная разруха, затолканная в стильные рамочки за стеклом, это совсем другое дело, особенно под бокальчик-другой в тесном кругу. Главное — вовремя вернуться домой, чтобы мгновенно все позабыть. Живя в Москве, я частенько проводила время подобным образом.

Теперь это не про меня. Я здесь живу постоянно, каждый мой вдох наполнен промышленным прахом, а это совсем другая история. Каждый раз, выковыривая из щетки пылесоса сбившиеся колтуны пыли, радуюсь, что у меня нет животных: только шерсти в доме еще и не хватало! Впрочем, надо быть благодарной: именно переезд из Москвы в подмосковную промзону спровоцировал меня сбежать на первые две зимы на Кубу и на третью — в Эфиопию.

Среди живописной карибской и африканской разрухи я чувствовала себя как дома, только там еще и дышать можно полной грудью, и солнца куда как больше, и люди повеселее. Человеку, живущему в подмосковной промзоне, для счастья нужно всего три вещи: просторное голубое небо, чистый воздух и мягкая

водопроводная вода. А если кругом еще что-то непрерывно цветет, то он ощущает себя просто в раю, хотя ни на что подобное уже и не рассчитывал.

Мне просто казалось, в мои тогдашние 38 лет, что зимняя серость среди разрушенных заводов меня убьет окончательно. Я и так была чуть жива после очередного разрыва с мужчиной, к тому же пришлось уйти на фриланс: в моем городишке офисной работы для меня нет. Два высших образования позволили мне занять узкую нишу — писать рекламные тексты для технарей — и стать в ней одной из лучших. На Кубе приходилось объяснять развернуто: что я писательница, только пишу не книги, а тексты *пара пропаганда комерсиаль* — для рекламы. И рада бы назвать себя по-простому, наемным писакой, но вот этот оттенок смысла поди передай на чужом языке. А слово копирайтер не всем понятно и в России. Тогда я не знала, что Семь африканских сил помогут мне пережить еще и не такое.

В те годы путешествия только что стали новой религией и казалось, так будет всегда. Я успела прожить еще несколько жизней, мотаясь с ноутбуком по миру, вернуться домой и выйти замуж. А потом в наш и без того душный город, где и без того некуда пойти, пришла пандемия со своими душными масками и самоизоляцией. Я так и не смогла показать мужу Гавану, а ведь у нас уже были билеты.

* * *

Трекинговые палки в руках позволяют сосредоточиться на простых движениях и честно пройти дневную норму шагов. Обычно на это уходит час-полтора, и я возвращаюсь домой к работе.

Единственную целую лавочку в захламленном подобии сквера на моем пути занял какой-то пропойца в линялых черных обносках.

Он сидит сторбившись, смотрит в одну точку и полностью слился бы с унылым пейзажем, кабы не пластиковые карнавальные очки зеленого цвета. Эта нелепая деталь как будто специально создана, чтобы привлечь мое внимание. Когда я прохожу мимо, он поднимает голову и смотрит на меня с пьяным вызовом. Делаю вид, что не замечаю. Знаки, которые подают Семь африканских сил, не всегда требуют каких-либо действий. Как следы для охотника. Ты просто видишь, кто и когда отметился, и прикидываешь, чем тебе это грозит. По большей части ничем, хотя информация может однажды и пригодиться.

Оставив позади этого странного гражданина, я даже не могу быть уверена, что он тут же не растворился в воздухе. Но встреча сделала свое дело: теперь все мои мысли — о моем гаванском *падрино* (крестном), с которого все для меня началось. Именно благодаря ему передо мной распахнулись двери *сантериии* — религиозного культа черных кубинцев, в котором нет-нет, да и найдется место белому человеку.

На прошлой неделе, как-то случайно, я прочитала в сети, что падрино нет в живых уже несколько месяцев. Тогда стало понятно, почему он вдруг начал приходить в мои сны, да еще с какой регулярностью: у меня осталась к нему масса вопросов, а мой испанский язык медленно угасает за ненадобностью. Нам кажется, что у покойников полно времени, но иногда им приходится поспешить. От забвения не застрахованы ни они сами, ни языки, на которых они говорят.

Даже не знаю, рассказывать ли ему при случае об этой сегодняшней встрече. Причуды бога-кузнеца Огуна, чьи цвета зеленый и черный, не лучшая тема для наших бесед.

Дневниковая запись: 8 декабря 2011 года, Гавана

Каким бы длинным и нудным ни был прямой перелет из Москвы в Гавану, стоит войти в аэропорт Хосе Марти, как усталость мгновенно исчезает, а по лицу разливается блаженная улыбка. Я дома, в Гаване. По всему телу выступает знакомая испарина. Здесь больше 30 градусов тепла и стопроцентная влажность, но через несколько дней к этому привыкаешь.

В милом сердцу Хосе Марти я в этот приезд чувствую себя уже увереннее, чем в Шереметьево. К тому же мне повезло с такси и обменом валюты, и я очень быстро сумела добраться до *Калле О*. В районе *Ведадо* улицы, идущие параллельно берегу океана, обозначаются номерами, а те, что перпендикулярно, — буквами алфавита. Очень удобно, хотя в некоторых местах эта логика ломается, и улицы идут сикось-накось.

Поднять тридцатикилограммовый чемодан по ступенькам к входной двери было той еще физзарядкой. Я провезла его по длинному коридору до нужной квартиры, обозначенной наклейкой с российским флагом, — и моментально рухнула в объятия своего друга Карлоса. Из кухни, вытирая руки, высунулась Иви, его жена. Откуда-то из глубины квартиры вышел поздороваться старик Пако — отец Иви. Тут же стали стучаться соседи, которые хорошо меня помнят. Со всеми надо было обняться и расцеловаться. Это Куба, здесь все вечно целуются как дураки. И жестикулируют. Если ты не машешь руками, ты чисто нелюдь какая-то. Можно даже шепотом помахать, украдкой, деликатно, только не стой столбом, не поймут.

Карлос с Иви учились по молодости в Советском Союзе, и у них отличный русский язык, хотя и с довольно смешным акцентом. Мы познакомились, когда я впервые приехала в Гавану, и мне пока еще нужен был персональный гид. Пако, похожий на древнюю мудрую черепаху, по-русски не говорит. Ему под 90,

он и по-испански уже не очень: зубов почти не осталось, дикция никакущая. При этом везет с собой блокнотик и пристает к туристам на предмет русских слов. Корябает под диктовку трясутыми руками, но не сдаётся. Старая школа, он партизанил еще с Че Геварой и Фиделем! Говорит, Че был настоящий мужик, а Фидель как был балаболкой, так и остался.

Жуя свиные шкварки, по-семейному утащенные с кухни, я стала вынимать из чемодана гостинцы. Пакеты с яблоками произвели фурор: здесь это очень дорогая и редкая штука. Одно яблоко стоит, как два ананаса. За яблонями нужен уход, хороший полив, никто на Кубе морочиться с этим не станет.

Чуть позже пришла пара украинских туристов — клиенты Иви и Карлоса, — и остаток вечера мы провели за ромом, ужином и болтовней. Оказалось, что случайное знакомство именно с ними, на рынке, когда-то положило начало карьере наших общих друзей как русскоговорящих гидов. Потом мы всей толпой и с остатками рома погрузились в такси, чтобы ехать на *касу*, где мне предстоит жить ближайшие три месяца. Туда уже пришел брат Карлоса, Виктор, который мне, собственно, ее и сдает. Братья очень похожи, но Карлос брутальный, а Виктор совсем плюшевый на вид, молчаливый и улыбчивый.

Все мои местные друзья — белые кубинцы, но я втайне мечтаю подружиться и с неграми. Да-да, с неграми! «Афрокубинцев» оставьте для бледных европейских туристов, эти совсем ни во что не врубаются. Над их толерантностью негры первыми же и смеются. *Негро* это по-испански черный, *бланко* это белый, *негрита* и *бланкита* — нормальные обращения для черной и белой подружек. Когда говоришь «познакомилась с парнем», тебя обязательно спросят, белый он или черный, в любой компании. Иви любит повторять: «Мы не расисты, но негры — они такие!» — предупреждая туристов, чтобы те остерегались особо дружелюбных и любвеобильных черных аборигенов, склонных

к воровству и мошенничеству. Среди белых тоже хватает прохвостов, но они будут все отрицать, тут лучше у негров спросить.

Бытовой расизм штука обоюдная и почти безобидная, пока не доходит до смешанных браков. Тут, извините, возможны скандалы в благородных семействах — что в белых, что в черных. Как говорит Иви, у каждой белой кубинки было что-нибудь с негром, но в приличном обществе об этом помалкивают. Ты можешь с ними дружить, встречаться, спать, танцевать, а замуж — это совсем другая история. Таковы реалии, которые придется держать в голове.

Квартира у меня скромная, но просторная, на первом этаже дома в богатом районе *Ла Плайя*. Окна выходят в своеобразный коридор под открытым небом, где стоят хозяйские цветы в кадках и можно вешать белье. Он образован стенами дома и каменной оградой. Одна большая комната условно поделена на холл и столовую, из холла вход в такую же просторную спальню с двумя кроватями. К спальне примыкает санузел, к столовой — кухня и хозяйственная комната с огромной раковиной. Горячей воды нет, надо греть на плите. Стиральная машина допотопная, затапливается пинками в хозяйственную комнату и наполняется водой. Я сказала, что заниматься этим не стану, так что Виктор был рад ее увезти. Будет стирать постельное белье для меня раз в неделю. Кубинские мужчины любят заниматься стиркой: тягать тяжелые мокрые тряпки — не женская работа. Для кубинца это повод покрасоваться, показать свою физическую форму и любовь к чистоте.

Наконец разогнав всю компанию, упала на кровать и проспала до рассвета, пока не заорали петухи. В Гаване все, кто только может, держат птицу — кто во дворе, кто на крыше, кто на балконе. Ай, как давно я не слышала этих паршивцев! Настоящее кубинское утро! Перевернулась на другой бок и проспала еще несколько часов.

Встала в начале десятого, сижу сейчас в холле с ноутбуком у открытого окна, курю местную дешевую сигарету *Популяр*.

Переводится как «Народные», пачка стоит 1 кук (доллар), а вкус лучше, чем у наших дорогих, все-таки настоящий кубинский табак. Одним глазом смотрю по телевизору фильм с Вином Дизелем, «Форсаж» — идет по-английски, с испанскими субтитрами. Созвонилась с Иви, узнала, где в моем районе можно добыть еды, и собираюсь этим заняться. Надеюсь не заблудиться и найти дорогу домой. Через неделю день рождения у мамы Иви, Амелии, и надо бы разузнать, где продают цветы. Мне почему-то велели их не приносить, но это какие-то глупости. В прошлые приезды я видела очень симпатичные мелкие гладиолусы, притащу обязательно!

16 апреля 2021 года, Подмосковье

— Ай, девочка, почему ты растишь одни только бархатцы? — спрашивает падрино. Рассада стоит на подоконнике, летом переселится на балкон, и мы обсуждаем ее, будто бы виделись только вчера. Кубинское обращение *нинья* — девочка — заставляет меня улыбаться. В реальной жизни я давно уже никому не девочка.

— Я пока больше ничего не умею. Вот думаю посадить декоративные тыквы, ростки уже торчат.

— Тыквы! — кивает падрино. — Хорошо для Очун. А что-нибудь для Чанго? Хотя у вас тут, наверное, не вырастет? Бананы, бамия — не?

Делаю неопределенный жест рукой. Слишком сложный вопрос, даже если что-нибудь подобрать из возможного. Мне 47 лет, и до прошлого года я губила любые растения только в путь. Ни разу ничего не вырастила из семян. Год назад получилось с бархатцами, это меня воодушевило, но с ума не свело. Не все сразу. Добавить тыквы — уже большой шаг вперед. И потом, я все-таки

не *сантера*, я только сочувствующая. Дело не успело дойти до обряда посвящения, так что я могла бы держать дома искусственный букет, стирать с него пыль и не забивать себе голову. Или сажать что попало, будто бы сантерия в моей жизни вообще ни при чем.

Я очень не сразу узнала, что на Кубе живые цветы покупаются только для потустороннего мира. И ведь успела пригласить их в подарок на день рождения старушки Амелии, потом еще удивлялась, что повисла неловкая пауза. Эти трогательные мелкие гладиолусы, которые продают уличные торговцы, кубинцы берут для кладбища или сантерических ритуалов. Каждый цветок, каждый фрукт или овощ, каждая травка или специя имеют свое значение для сантерии. Как и для любого языческого культа, выросшего из общения с природой и душами предков.

Пока я мнусь с ответом, падрино достает из нагрудного кармана сигару, закуривает и насмешливо смотрит на меня через толстые стекла очков. Впервые вижу его в традиционной кубинской рубашке с четырьмя карманами и замысловатой отстрочкой. Ему уже за 70, и он все еще красавец мужчина: седые выющиеся волосы и борода, смуглая кожа, крепкая чуть полноватая фигура. У него есть несколько больших татуировок, первую из которых он сделал 10 лет назад, я видела его в тот день. А еще он один из немногих белых сантерос высокого ранга, *бабалао*. Говоря по-простому, мой падрино — негритянский колдун, даром что белый.

Курить в помещении нормальная кубинская практика. Морской ветер и деревянные жалюзи на окнах без стекол делают свое дело: дым не застаивается и не успевает пропитать все вокруг. Кури сколько хочешь, запаха не остается. В моей подмосковной квартире все по-другому, но не стану же я поучать падрино, слова и так даются с трудом. Не каждый день принимаешь такого гостя, к тому же наедине.

Я смутно догадываюсь, что мне все это снится, ведь этого просто не может происходить у меня дома в России, да еще вот

так запросто, ночью, когда в отъезде мой муж. Попробую-ка спросить, что все это значит.

— Освальдо... — начинаю я, впервые обращаясь к падрино по имени, которое, кажется, означает *имеющий власть*. И в тот же момент просыпаюсь. Запах сигары остается со мной еще на несколько мгновений, пока я моргаю в темноте, силясь понять, который час.

Мне хочется верить, что это не последняя подобная встреча. Если уж человек проводит во сне треть своей жизни, приятно потратить хотя бы часть этого времени с толком.

Дневниковая запись: 15 января 2012 года, Гавана

В половине десятого утра где-то на улице поют петухи, издалека доносится хоровое тягучее негритянское пение, явно ритуальное, под барабан. Кажется даже, что по полу отдается, как они ногами притопывают. Голоса стариковские, для пьяных песнопений рановато. Явно сантерия. Когда-то в детстве я по воскресеньям валялась на диване с книжкой, а из соседней комнаты неслись звуки передачи про песни и танцы народов мира. «Телефестиваль «Радуга» называлось. Теперь я выросла, и это не телевизор. Я живу в Гаване уже полтора месяца — половину своей первой тропической зимовки.

Сегодня воскресенье, у моих заказчиков в России выходной, и к двум часам я поехала в свой любимый арт-переулок. Давно хотелось оказаться среди людей и музыки. Воскресные утренники в Переулке, которые начинаются в полдень, — самое веселое из невинных развлечений, какие мне известны в Гаване. В принципе, если захотеть, там можно легко найти себе компанию хоть среди черных аборигенов, хоть среди белых туристов (белых кубинцев

там почти не бывает), но мне и без компании хорошо. Хотя там собирается много сантерос, к реальным сантерическим мессам эти сборища с традиционными песнями и танцами не имеют отношения.

Поразительно, насколько разное впечатление производит Переулок в будние дни, когда там никого нет, и в воскресенье, когда приходит народ. От земли до крыш расписанное муралами Освальдо в 90-е и уставленное инсталляциями его же работы, это место всю неделю будто бы спит, набираясь сил для воскресенья. А потом, сразу после полудня, заполняется пестрой толпой и просыпается. И каждая надпись, каждый рисунок, каждый свисающий из оконного проема на улицу цветочный горшок начинают дышать и разговаривать.

Освальдо живет здесь же, двери его дома и мастерской смотрят друг на друга, справа от дома — ворота гаража. Однажды я видела, как он подъезжал к своему пестрому Переулку за рулем красного кадиллака с открытым верхом. Было видно, что он страшно доволен собой, но не теряет самоиронии. Ай, эта улыбка, осанка, эти неторопливые манеры, седые кудри, смуглая кожа, этот шикарный белый костюм с красной рубашкой под ним! Не было в тот момент *кабальеро* красивее во всей Гаване. Ни один молодой кубинец, играющий мускулами, черный или белый, с ним не сравнится бы. Стоит ли говорить, что я влюблена в Освальдо. Все влюблены в Освальдо, если только имеют сердце. По-другому и быть не может.

Сегодня холодно, так что одета я по местным меркам *элеганте*: в длинные штаны и кофту с длинным рукавом. То и другое серого цвета — унылое наследие офисной жизни. Чтобы не слишком выделяться в пестрой толпе, на голову я намотала пестрый платок с громадным узлом на затылке. К нему за ухом прицепила желтую заколку-орхидею. Все правильно сделала! Бог знает сколько раз меня чмокнули сверху куда-то в район орхидеи, традиционно

приговаривая *гуана* и *линда*. Оба слова означают, что я красотка. Брать в голову особо не стоит, кубинцам дай только повод что-то подобное брякнуть. Но все равно приятно, я же старалась. Такая местная *кортесия* — вежливость — всегда подкупает.

У меня при себе маленький рюкзачок с фотоаппаратом, кошельком и бутылкой холодного чая с ромом. Его надо держать в руках перед собой, потому что в толпе могут встречаться во-ришки, со спины точно что-нибудь стырят. Туристов постоянно дергают и белые, и негры, чтобы держали свои вещи в поле зрения. Скандалы с вызовом полиции тут никому не нужны. Так что в этой давке я слегка ограничена в телодвижениях. В следующий раз все выпью дома, фотик оставляю и пойду без сумки. Может, в конце концов потанцую. Сегодня в разгар концерта плясали все, кроме иностранцев с камерами и рюкзаками. А танцевать с черными кубинцами румбу — это вообще мечта. Эта румба не та, что бывает у нас по телевизору в программе балльных танцев. Кубинская румба приехала сюда когда-то вместе с конголезскими рабами и стала орудием их тайной борьбы против белых хозяев. Это ритуальный танец, не для паркета.

Клеятся ко мне тут каждые пять минут, только успевай посылать. И то, и се, и откуда такая красивая, и любовь с первого взгляда, и каждый лопочет одно и то же, будто по методичке. Меня же здесь по-настоящему интересует только один парень. Он играет на барабанах и очень, очень серьезный. Мало того, что черный, так где-то в роду отметились индейцы: нос с горбинкой, узковатые глаза, хищные повадки. Я на него глаз положила еще в свой самый первый, туристический приезд в Гавану два года назад. Иви меня сюда приводила «так, посмотреть, вдруг понравится». Я сумела даже сфотографировать этого красавца, и фото до сих пор валяется где-то в ноутбук.

Сегодня я впервые пробыла до конца действия, потом по-кубински неторопливо пошла к *Малекону* (набережной),

полюбоваться океаном. Там изрядно штормило, и проезжая часть была закрыта, чтобы машины не заливало водой. Присмотрела одно секретное место: тумбу у парапета, за которой можно прятаться от волн, перекатывающихся по бокам. Там стояли сегодня какие-то негры, гурьбой прижавшись к камням и ревя от восторга, когда со всех сторон вокруг них обрушивалась вода. Шикарно, надо будет однажды попробовать.

21 апреля 2021 года, Подмосковье

Падрино не являлся в мои сны уже неделю, и я успела решить, что больше он не появится. Но внезапно сама оказалась рядом с ним, в Гаване, где он готовился ко Дню рождения своего Перелука. Ну как готовился — сидел и курил в ночи под открытым небом, переводя взгляд с одной стеной росписи на другую. Его огромное плетеное кресло, похожее на трон, придавало всей обстановке особую торжественность, хотя одет он был по-простому, в алкашку и джинсы, как и я. На Кубе любят наряжаться, но если тебе лень или некогда, никто не осудит. Рядом с креслом я увидела небольшой аккуратный стул. Прямо на асфальте между ними стояли пластиковая бутылка рома и два дешевых стакана из толстого стекла, с зеленоватым доньшком. Падрино достаточно богат, чтобы пить хоть из хрусталя, но эти стаканы — подлинно кубинская фишка, их тут все любят.

— *Буэна noche*, Освальдо, — сказала я, привычно проглатывая окончания слов. У кубинцев вечная каша во рту, но со временем к этому привыкаешь и тоже начинаешь так говорить.

Он покачал головой, думая о чем-то своем. Опасаясь потревожить зыбкую реальность сновидения, предельно осторожно я опустилась на стул. Падрино глубоко затянулся и вдруг закашлялся,

отмахиваясь ладонью. Снял очки, чтобы вытереть слезы, и его лицо на мгновение стало голым и беззащитным. Неловкий момент, но просыпаться я не спешила.

— Что, девочка, потанцуешь со мной сегодня? — спросил падрино, переводя дух и возвращая очки на место.

Кубинцы очень любят расцвечивать свою речь словами *корасон* (сердце) и *альма* (душа), и я привыкла над этим посмеиваться. Но от такого вопроса и корасон, и альма способны рухнуть куда-то в пятки даже у меня. Потанцевать с Освальдо! И он еще спрашивает!

Танцевать с местными — огромное удовольствие, их этому учат еще в школе, причем ежедневно, на уроках физического воспитания. Бестолковой женщине из России, которая представляет собой один большой мышечный зажим, нужно просто принять предложенную сеньором руку и выкинуть из головы любые мысли. Как ты выглядишь, куда наступаешь, получается ли у тебя — все это лишнее, просто доверься партнеру и не сопротивляйся. Плыви по течению. Особый случай — когда тебя приглашает пожилой кабальеро вроде старика Пако. Они так неспешны и властвуют с такой деликатностью, что все твои чувства вдруг обостряются, и ты следуешь уже не только за увлекающими тебя руками и телом, а за самим дыханием. И каким бы бревном ты ни оказалась на самом деле, порция комплиментов потом обязательна. Настоящий *мачо* похвалит женщину, даже если она оттоптала ему все ноги. Никогда не отказывайтесь от подобного опыта, он того стоит.

— Сегодня здесь будет *фiesta*?

— Большая, большая *фiesta*!

Он в последний раз коротко прокашливается и вдруг встает передо мной с распахнутыми объятиями: давай танцевать прямо сейчас! Я не спешу, от души наслаждаясь его искренним порывом. Если бы я могла, я бы держала эту паузу вечно, и мы бы так

и смотрели друг другу в глаза. Но танец превыше всего, так что придется вставать.

— *Маферефун Чанго*, — я впервые произношу вслух древнее пожелание силы богу громов и молний.

— *Маферефун Очун*, — отвечает Освальдо, и я вдруг замечаю, что на мне длинное желтое платье. Последнее, что помню, — веселый смех падрино над моим замешательством.

Дневниковая запись: 30 января 2012 года, Гавана

Мне остался месяц в Гаване. Сажу в отеле у Центрального парка, вяло дописываю текст для заказчика, клюю носом. Того самого крутого парня из Переулка, на которого я положила глаз, зовут Хосе, теперь он мой, и я влюбилась. Крышу рвет нещадно. Ему, кажется, тоже.

Суббота была примечательна только падением интернета и разборками на эту тему с администрацией. Вай-фай здесь страшно дорогой и есть только в 5-звездочных отелях. Чтобы работать, мне приходится ездить маршруткой из Ла Плайя в центр.

Кататься в кубинских маршрутках — особое удовольствие, это сплошь старые американские машины. Раздолбанные, но просторные доджи, понтиаки и шевроле, как в кино. На сиденье рядом с водителем обычно умещается два человека, сзади размещается полноценный диванчик, а то и два, друг за другом. Когдаходишь, принято здороваться, иначе будешь пристыжен неграми как белая деревенщина. Ты все же в Гаване, веди себя прилично! Поздоровался — проходи, садись, слушай сальсу в дороге.

В отеле я провожу 2–3 часа: отправляю тексты заказчикам, скачиваю рабочие материалы, отвечаю на письма. Основную часть работы делаю дома, офлайн.

После разборок с администрацией все получилось, и мне удалось отправить нужные тексты заказчику в срок. Утром в воскресенье тоже ничто не предвещало приключений. Я мирно позавтракала овощным салатом и булкой, посмотрела на ноутбуке кино, оделась в белое, повязала на голову желтый платок, повесила на шею любимый огромный эмалевый крест и неспешно поехала в Переулок.

Приехала около половины второго. Все успели разгорячиться, так что пришлось беспрестанно отмахиваться от ухажеров. Одного даже развернула за плечи от себя и дала поджоппик. Мне, разумеется, нужен мужчина, я ведь хочу выйти замуж и переехать сюда насовсем. Часики тикают, зимовка перевалила за половину, а у меня с моей вечной работой нет даже просто любовника. Пусть парень будет черный, неважно, но я хотела лучшего или никакого. Один только мой эмалевый крест способен перевозбудить половину сборища, не говоря уже о наличии у меня талии и торчащих из-под короткой белой юбки загорелых ног. К тому же я говорю по-испански и знаю достаточно местной уличной брани, спасибо моей подруге Иви.

Такая четкая позиция сильно взбодрила аборигенов. А я наконец-то нашла уголок у прохода, где можно было сесть на спинку мощного металлического кресла, пристроить ноги на подпорку фонаря, и беззастенчиво уставиться на того самого, серьезного хищного парня. Я же на Кубе, здесь в таких случаях не стесняются. Что я теряю, в конце концов? Если он ко мне не подойдет, значит не нравлюсь. А если нравлюсь, подойдет, и все ментально решится. Мы не в России, здесь рефлексировать только Фидель Кастро и только на страницах газеты *Гранма*. У него там специальная колонка — *Рефлексьонес де Фидель*.

Расчет оказался верным: парень поймал мой взгляд, встал и пустился в пляс, да еще как! Брачные танцы — страшная сила, и как же хорошо, что есть в мире места, где это понимают.

Примерно через час гляделок (обеим сторонам было удобно, что на нем были очки) он прошел по проходу мимо меня, предлагая туристам купить диски с румбой. Уже без очков. И мы наконец посмотрели друг другу в глаза, долго и откровенно. Не отпуская взгляда, он протянул мне диск. Я точно так же едва заметно помотала головой. А дальше произошло невероятное: он показал пальцем на свою щеку, я потянулась к нему, он сделал неуправляемое движение, как все здесь умеют, и от нашего поцелуя земля унеслась куда-то далеко-далеко. Мы как будто зависли в пустоте, только где-то на краю моего сознания тонко звенела мысль, что теперь и умереть не жалко: это все происходит со мной, на тропическом острове, среди черных аборигенов. Я сделала верную ставку, и они меня приняли. Это настоящее чудо. С замужеством потом разберусь, не до глупостей.

Когда мы наконец друг от друга оторвались, он повернулся к своим друзьям и высказался в духе «Не пора ли нам пора? У нас вроде следующий концерт уже через часик?» Я впервые услышала его голос — хриплый, насквозь прокуренный, мгновенно пробравший меня до мурашек. И все чуть не хором: «Ой, и правда, брателло! Концерт окончен, всем спасибо, все свободны!» Хорошие люди какие. А посланные мною до этого чуваки только головами покачали и руками развели — ну типа теперь все понятно про твои запросы, где уж нам. Да-да, барабанщик на Кубе — это особый статус, и это мой уровень, я не шутила. Все видели? То-то же.

Он взял меня за руку, спросил мое имя, представился — Хосе — и усадил на скамейку с двумя черными старушками в ярких платьях и париках. Такие классические черные бабульки из голливудского кино, вышедшие в воскресенье в люди с сумочками в руках. Одна из них оказалась его тетей, вторая ее подругой. Тетя живет в Америке и через несколько дней уезжает обратно. Тихонечко показала мне американский паспорт — тока тсс! Пока племянник собирался, успела продемонстрировать мне фотографии

всей семьи. Временами к Хосе кто-то подходил поговорить, он всех со всеми знакомил, показывая на старушек со словами «это моя семья», а на меня — «это моя любовь». Что здесь способно разворачиваться с невероятной скоростью так это любовные истории. Что угодно *маньяна* (завтра), но с любовью ты будешь впереди планеты всей. Обожаю.

Минут через двадцать Хосе посадил нас со старушками в такси, и мы приехали в культурный центр йоруба неподалеку от Капитолия. Там был следующий концерт, за вход за который со старушек взяли по 20 песо насъональ, а с меня как с иностранки 5 кук.

Здесь в ходу две валюты: песо насъональ и куки. Кук ценится выше, это конвертируемая валюта, аналог доллара (в обменниках почти один к одному). 1 кук = 24 песо насъональ. За куки можно купить что угодно и где угодно, песо насъональ принимают не везде, но на них жить гораздо дешевле. Например, полный обед в неприязательном кафе для местных можно получить за 50 песо насъональ (2 с небольшим кука), а практически такой же, в месте, где платят только куками, будет стоить 10 кук. За вход на концерты и в музеи иностранцы платят только куками, и в пересчете на песо насъональ выходит в 5–6 раз больше, чем отдают местные.

Я отдала свои 5 кук предельно спокойно, хотя в кошельке оставалось после этого 20 песо насъональ, ровно на маршрутку до дома. Дальше для меня весь вечер было все и в нужных количествах, за счет Хосе — такси, пиво, ром, пицца. Я знала, что так будет. Взаимная проверка на вшивость: не пожлобимся ли мы друг для друга, по ситуации. Не пожлобились, уровень пройден.

Перед концертом Хосе перезнакомил меня со всем коллективом и поучил танцевать сальсу, румбу и пачангу. Это было прекрасно. Еще когда он достал из рюкзака танцевальные туфли, я мысленно поцеловала крест: в моей жизни наконец все хорошо и правильно. До переезда из Москвы в область я занималась

танцами 5 лет, но не кубинскими. К слову сказать, Хосе оказалось целых 47 лет. По его фигуре, оправленной в джинсы и алкашку, в жизни не догадаешься. Он отец троих сыновей, старшему из которых 25. Здесь таких вещей не скрывают, очень гордятся и возрастом, и детьми, и семьями. Что совершенно не мешает всякой там прочей любви и тем более танцам.

Успели после концерта заехать в клуб-кабаре, где предполагалось еще одно выступление, ближе к ночи. Заблудились и прощались по темным улочкам часа два. Наконец добрались и узнали, что насчет выступления нас обманули, ничего не организовано. Сходили поесть, взяли рома, дождались сбора у клуба всей нашей банды. Вернулись и под ром и сигареты прослушали какое-то бесконечное выступление местных рэперов. Я ни одного слова не понимала, но было круто, это же не для туристов, и уникальность момента ощущается всей кожей. Потом удачно поймали маршрутку и поехали на Малекон, балбесничать на парапете. Любимое всеми в Гаване вечернее развлечение. Хосе лежал головой у меня на коленях и орал «я тебя люблю» по-английски, демонстрируя эрудицию и распугивая остальные парочки. По пьяни постановили, что слишком хороши оба для секса в первый же день и что у нас все будет долго и красиво (его слова), поскольку я вообще первая иностранка, с которой он продолжил знакомство. Учениц по сальсе, дескать, отсылает только в путь. Глядя на его хищное лицо с индейскими чертами, можно даже купиться, хотя это обычная кубинская легенда, они все так говорят. Глупо всерьез считать, будто бы я особенная.

В час ночи, однако, мы уже курили у меня на диване, поскольку он поехал меня провожать, и тут полил дождь. Да здравствуют гаванские дожди, моя половая жизнь наконец-то наладилась!

Было ужасно неудобно, что у меня кроме чая вечером и кофе с утра вообще ничего нет. Когда мне хватает впечатлений, еда — последнее, о чем я забочусь, так что в Гаване мой холодильник как

правило пуст. Там торчат разве что бутылка рома, бутылка газировки и глыба льда. Нитье, как трудно на Кубе с продуктами, — не моя тема. Чтобы сгладить неловкость, я тут же пригласила Хосе к себе на ужин.

Об интимных подробностях связно писать не могу, да и незачем. Скажем так, ночь была бурной, и попадать по клавишам теперь сложновато. Мне еще надо домой, по магазинам, поспать и приготовить еды на двоих. Надеюсь, Хосе не забудет, где я живу.

14 июня 2021 года, Подмосковье

В этот раз мы с падрино сидим на какой-то лужайке и любуемся нарядной православной церковью на холме. День очень яркий, солнечный, кругом гуляют люди, всем весело, и мне наконец не стыдно за место, где я живу. Я сижу по-турецки, чего в реальной жизни никогда не умела. Передо мной почему-то механическая пишущая машинка, сильно потертая, с латинским шрифтом. Обожаю пишущие машинки, успела научиться на них работать еще в школе, в советские времена. Есть в них какая-то магия.

- Ты знаешь, на этой машинке печатал сам Хемингуэй.
- А откуда она у вас?
- Это неправильный вопрос.
- Я не знаю, какой правильный.
- А! Честная девочка. Это мне нравится.

Падрино полулежит на траве, опершись на локоть, на нем вышитая синяя рубашка и легкие светлые брюки. Жует травинку и наблюдает за мной. Пока я все это осознаю, машинка успевает исчезнуть. Вот так всегда! Но и падрино уже сидит рядом и протягивает мне один из тех самых стаканов, что остались нетронутыми в тот раз, когда мы собрались танцевать. Ром кустарного изготовления

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru